

М. Л. Березнова

ЧЕЛДОНЫ КАК ГРУППА РУССКИХ СИБИРЯКОВ: ПОИСК СОЦИАЛЬНЫХ ИСТОКОВ ЕЕ ФОРМИРОВАНИЯ¹

Челдоны (*чалдоны, чолдоны*) — это одна из групп русских старожилов Сибири. Особенностью этой группы является то, что сведения о ней не зафиксированы в письменных источниках, а само слово было внесено в списки диалектной лексики только в последней трети XIX в. [Даль 1994: 587]. Челдоны в различных документах и текстах конца XIX–XX вв. называются старожилами. Народ же упорно выделяет группу челдонов, на уровне диалектной лексики отчетливо отграничивая ее от других старожилов Сибири.

Сейчас рассмотрение вопроса о челдонах требует довольно сложной процедуры: свидетельства самого народа, зафиксированные диалектологами и этнографами, по мере включения в научные тексты были «переведены» на научный язык, откорректированы в соответствии с теми или иными научными концепциями. Между тем изучение этого вопроса может не только расширить наши представления об этногрупповом составе русских сибиряков, но и показать механизмы формирования этнических структур в целом.

Отмечу, что теория этноса, фактически до сегодняшнего дня лежащая в основе этноисторических исследований российских ученых, не дает ответа на вопрос о механизме формирования этнических сообществ, подменяя его определением типа этнической общности. Часты обвинения ученых этого круга в том, что они полагают этнические сообщества «изначальными», то есть

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 10-01-00498а.

существовавшими всегда, еще со времен племенного единства. Противопоставление людей по признаку происхождения и культуры оказывается в этом свете одной из коренных оппозиций человеческого сознания. Представители конкурирующей концепции — конструктивизма — склонны ведущую роль в формировании этнических общностей отдать государству, так как, по их мнению, только оно способно сконструировать границы, которые позволяют осознать деление людей, в том числе и по признакам этнического характера.

Исторические материалы, довольно скудно рассказывающие о существовании этнических (в современном понимании слова) страт в обществах прошлого, тем не менее позволяют выдвинуть иной тезис: формирование этнических сообществ, особенно на субэтническом уровне, во многом связано с существованием в различные исторические периоды тех или иных социальных групп. Даже уходя в прошлое, эти группы порождают противостояние человеческих коллективов, которое со временем начинает осознаваться как исконное, то есть идущее из прошлого, потомственное, завещанное предками, традиционное, культурно закрепленное. Рассмотрим эти тезисы на сибирских материалах, связанных с формированием этногрупповой структуры русско-сибирского общества, характерной для конца XVIII–XX вв.

XVIII в. ознаменовал крушение старой сословной структуры. Через века рассматривая этот процесс, трудно оценить, насколько болезненно это было для современников. Известно, что еще в начале XVIII в. многие сибирские жители числились среди служилого сословия и были приписаны более чем к 30 разным категориям. Например, по данным дозорной книги Тарского уезда 1701 г. [РГАДА: ф. 214, кн. 1182, л. 1–425], главы 738 местных семейств так распределялись по сословным группам: детей боярских было 16 (2,2 %), стрельцов и стрелецких сыновей — 88 (12 %), беломестных казаков — 125 (16,9 %), крестьян — 149 (20,2 %), казаков разных списков, включая 15 отставных, — 299 (40,5 %). Заметим, что состав населения не самый типичный для Сибири и объясняется пограничным характером Тарского уезда. Н. А. Миненко приводит, например, сведения за 1701 г. по Турин-

скому уезду, сгруппированные по дворам. Из 350 дворов 228 записаны крестьянскими (65,1 %) [Миненко 1987: 22].

Дозорные книги и другие делопроизводственные документы доказывают, что существовала жесткая иерархия категорий, к которым приписывались сибирские жители. В дозорах список всегда открывали ружники, затем записывались дети боярские, казаки разных списков, стрельцы, казачьи дети, затем другие категории, а завершали списки крестьяне. В Тарском уезде крестьяне жили не во всех поселениях. Они были приписаны к слободам, которых здесь было только три — Бергамацкая, Татмыцкая и Аевская, но некоторые из них жили в деревнях, расположенных недалеко от слобод, видимо, при своих пашнях.

Все служилые люди вели хозяйство — занимались земледелием, разводили скот, но при этом числились на службе и получали жалованье. В XVIII в., когда шло становление сословия государственных крестьян, все служилые постепенно были переведены в тяглое сословие. Постепенность этого процесса заключалась в том, что в середине XVIII в. сибирских земледельцев, бывших служилых, отнесли к категории разночинцев, что указывало на то, что они не были прямыми потомками пашенных и оброчных крестьян [Бояршинова 1964: 47].

Отражалась ли «бумажная» иерархия на отношениях людей, сказать трудно. Сложно сказать, насколько дорожили своим социальным статусом люди XVIII столетия. В имеющейся исторической литературе некоторые сведения по этому вопросу встречаются в книге В. Н. Шерстобоева «Илимская пашня». Этот автор пишет: «Само название, или “чин”, пашенного крестьянина звучало с достоинством, отмежевывая носителя его от боярских крестьян, помещичьих крестьян, архиерейских крестьян, патриарших крестьян, монастырских крестьян предуральской Руси. <...> Можно к этому добавить, что слово “мужик” никогда не прилагалось к пашенным крестьянам Илимского воеводства. <...> Укажем, наконец, что слово “пашенный” не сопрягалось с названиями других групп крестьянства. Говорили: хлебный обротчик, крестьянский сын, не прилагая эпитета “пашенный”. Даже потеряв свое положение <...> пашенный крестьянин нередко сохра-

нял тень былого состояния и именовался: отставной пашенный крестьянин, прежней пашенный крестьянин или короче — “прежней пашенной”» [Шерстобоев 1949: 230–231]. Эти сведения относятся к рубежу XVII–XVIII вв. Следует отметить, что Илимское воеводство на 74,5 % состояло из крестьян. Так что, может быть, безусловное доминирование крестьян в обществе способствовало повышению престижа этой категории населения.

Становление сословия государственных крестьян постепенно уравнивало статус всех занимавшихся земледелием. Вероятнее всего, потребность выделить исконных крестьян все-таки была, потому что в ревизиях населения 1782–1795 г. появилась особая категория: дочери крестьянские старинные (см., напр.: [ГУТО ГАТ: ф. 154, оп. 8, д. 31, л. 143–211]). Отметим, что с III ревизии (1763 г.) изменилась форма сказок, которая сохранялась до 1795 г. Теперь в переписные документы вносились сведения о женщинах, причем наиболее полные сведения сообщались о сословном происхождении жен (женщин).

Если были «дочери крестьянские старинные», то существовали и крестьяне старинные, которые жили в старинных деревнях и слободах. В Тарском уезде, например, в документах ревизии 1782 г. старинными были названы Татмыцкая слобода, деревни Качусова, Бызинская, Артынская [Там же: л. 143, 189, 207 об., 211]. Если учесть, что потомки служилых людей в середине XVIII в. считались разночинцами и по этому признаку отделялись от потомков крестьян, записанных так еще в документах начала XVIII в., то под крестьянами старинными можно понимать потомков именно крестьян.

Подчеркну, что категория крестьян старинных выявляется только через записи о женщинах, вышедших замуж. Известно об этой категории мало, и вопрос о ее сути остается спорным. Например, В.П. Пушкин полагает, что эта категория связана со временем замужества женщин [Пушкин 1999: 41–74]. Категория крестьян старинных была, однако, введена в делопроизводство значительно раньше 1782 г. Н. А. Миненко упоминает, что в 1700 г. сын боярский Петр Текутьев имел 9 душ мужского пола — «старинных крепостных людей русской породы», ко-

торые проживали в Тюменском уезде [Миненко 1987: 24]. В. И. Шунков опубликовал жалобу крестьян с. Ростесы 1670 г. на «старых крестьян» [Шунков 1946: 88].

Из очень немногочисленных публикаций, упоминающих крестьян старинных XVII–XVIII вв., становится ясно, что это отнюдь не сибирская категория. Известны они и на Урале. Опубликованные В. П. Пушкиным материалы позволяют определить, сколько их было. Как пишет этот автор, в Сепычевской волости Пермского наместничества ревизией населения 1795 г. было учтено 1289 чел., 33,7 % из них были записаны как дочери крестьянские старинные [Пушков 1999: 66, 68–70]. Провести такие подсчеты по сибирским уездам невозможно, так как я не располагаю полными выписками из ревизских сказок. Но и «на глазок» видно, что чем выше был процент крестьян в поселении до начала изменений в сословной структуре, тем больше старинных крестьян обнаруживается там в ревизиях 1782 и 1795 гг.

Думаю, что имелись проблемы с адекватным восприятием «крестьян старинных» на бытовом уровне. В Сибири существовало и активно применялось «право старины», которое отдаленно напоминает некоторые из привилегий старинных крестьян «Соборного уложения». В. И. Шунков убедительно доказывает, что старина (давность проживания на одном месте) позволяла закреплять за собой земли в Сибири уже с XVII столетия, несмотря на то что она «в сибирских условиях была значительно менее старинной, чем в Европейской России. “Старина” имела преимущественное, решающее значение, являясь часто единственным основанием владения, если отсутствовали крепости» [Шунков 1946: 85]. Дозорные книги рубежа XVII–XVIII вв. включают множество материалов о том, как сибирские старожилы доказывали свое право владения землей и спрашивали у властей «выписи» и «крепости», закрепляющие его. При этом многие из них не были крестьянами, а числились служилыми людьми.

Итак, с одной стороны, в XVII–XVIII вв. существовала категория старинных жителей Сибири, имеющих право на преимущественное пользование землей и угодьями по праву длительного проживания в Сибири. С другой стороны, были и потомственные,

«старинные» крестьяне, названные так, потому что они из поколения в поколение числились крестьянами. Думаю, чтобы не путать эти две категории сибиряков, в разговорной речи их называли по-разному, а используемые слова были далеки от номинаций, принятых в «канцелярском» языке. К такому выводу можно прийти, если учесть ситуацию XIX в. К этому времени сложились две системы терминов для обозначения категорий сибирских жителей, прежде всего по принципу их давности проживания в Сибири: народная и чиновничья, или терминология официальных документов. Вероятно, слово *челдон* возникает как народное обозначение группы потомственных крестьян. Исследования показывают, что слово имело негативный, уничижительный оттенок, что не позволило включить его в письменную речь [Бережнова 2007: 228, 234–237].

В современной научной литературе есть обзоры, в которых отражена вариативность номинации русских сибиряков в исторической ретроспективе (см., напр. [Александров 1974: 8–10; Новоселова 2000]). В частности, отмечается, что уже в первой половине XIX в. использовались термины *старожилы* и *сибиряки*, которые встречаются у таких авторов, как Г. Спасский, А. Сулоцкий, И. Линк. Эти же термины были использованы цесаревичем Александром в письме из Сибири к Николаю I, написанном в 1837 г. Письмо содержало такую фразу: «Старожилы, или коренные сибиряки, — народ чисто русский, привязан к своему Государю и ко всей нашей семье» [Венчание 1999: 53].

Из знакомства с этими текстами становится ясно, что термины *старожил*, *сибиряк* в первой половине XIX в. были письменными и входили в лексикон образованных людей. Учитывая, что еще и сегодня не все крестьяне точно понимают такое слово, как *старожил*, вряд ли слова *старожил* или *сибиряк* были самоназваниями, скорее это те наименования, которые использовались в делопроизводстве и публицистике.

Проблема номинации групп кажется довольно существенной. Как в свое время всеобщая грамотность сделала лидирующим не произношение, а прочтение слова, что повлияло на орфоэпические нормы русского языка, так и научная терминология, тиражи-

руемая средствами массовой информации, научно-популярной и учебной литературой, меняет представление сибиряков о структуре русско-сибирской общности. Именно слова, которые называют группы (*челдон, кержак, российский, лапотон, хохол* и др.), создают ментальную структуру общности, а устанавливая связи между этими словами или даже просто объясняя их, наши респонденты описывают русско-сибирское сообщество. Однако в последнее время все чаще используются слова *старожил, сибиряк*, и соответственно меняется вся конструкция в сознании русских сибиряков.

На наш взгляд, из приведенных материалов можно сделать следующий вывод: социальное неравенство закрепляется в сознании людей еще в XVIII в. и связано с тремя факторами: отнесенность семьи к той или иной сословной группе по официальным документам, давность проживания в Сибири и зажиточность. Третий признак факультативен, так как отчасти связан с первыми двумя, отчасти зависит от личных качеств людей. На протяжении первой половины XVIII в. описанная нами структура закрепились в сознании людей, при этом номинация социальных групп определяла место человека в социуме. Официальный отказ от этой сословной системы, фактически проявившийся в последней трети XVIII в., скорее всего, закрепил в сознании людей признак длительности проживания в Сибири. Этот же признак с определенного момента становится важен и чиновникам. Последняя треть XIX в. с ее массовыми переселениями и смешением в Сибири разнородных групп населения реанимировала иерархическую систему русско-сибирского общества, причем народное сознание сделало ее более сложной, чем чиновничья практика.

Само слово *челдон* к концу XIX — началу XX в. стало символом давности пребывания на родной земле и, соответственно, прав на эту землю, на которой трудились поколения предков. Поскольку именование себя челдоном — некий символ, то в официальной, документальной жизни эта группа называлась старожилками, а позднее была определена и национальность — русские. Именно поэтому все челдоны имеют как минимум двойное самосознание, осознавая себя сейчас, в начале XXI в., прежде всего русскими.

Думаю также, что при номинации групп всегда доминировали экономические в широком смысле слова соображения. Экономические же отношения закреплялись в социальной структуре, определяя место и группы, и отдельного человека в обществе. С этой точки зрения особенно интересен процесс того, как стоящая внизу иерархической лестницы группа «крестьян старинных» постепенно включила почти всех остальных сибирских земледельцев (это, разумеется, следствие деятельности государства, но ведь осмыслить свое новое положение должны были сами люди) и даже повысила свой социальный статус, который в первой половине XX в. поднялся на небывалую высоту.

До последней трети XX в., когда сведения об этногрупповой структуре русских сибиряков стали собирать этнографы, она доходит в виде рассказов о группах. В свете теории этноса научное сообщество начинает характеризовать эти группы как этнические, опираясь на два тезиса информантов: эти группы связаны со статусом предков, то есть имеют признак наследственности, передачи из поколения в поколение, и их границы выявляются по культурным признакам (язык, особенности материальной и духовной культуры). В результате в XX в. социальная структура прошлого в трудах исследователей приобретает характер этнической, что убеждает нас в вечности этноса.

Библиография

Александров 1974 — Александров В. А. Проблемы сравнительного изучения материальной культуры русского населения Сибири (XVII — начало XX в.) // Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири. М., 1974. С. 7–22.

Бережнова 2007 — Бережнова М. Л. Загадка челдонов: история формирования и особенности культуры старожильского населения Сибири. Омск, 2007.

Бояршинова 1964 — Бояршинова З. Я. О формировании сословия государственных крестьян в Сибири // Труды Томского гос. ун-та. 1964. Т. 177, вып. 1. С. 44–55.

Венчание 1999 — Венчание с Россией: Переписка великого князя Александра Николаевича с императором Николаем I, 1837 год / Сост. Л. Г. Захарова, Л. И. Тютюнник. М., 1999.

Даль 1994 — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1994. Т. 4.

Миненко 1987 — *Миненко Н. А.* Источники пополнения и социальный состав населения западносибирской деревни в начале XVIII в. // Социально-демографическое развитие сибирской деревни в досоветский период. Новосибирск, 1987. С. 20–31.

Новоселова 2000 — *Новоселова А. А.* Кто такие старожилы? (Истолкование термина в современной этнографии) // Русские старожилы: Материалы III Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск, 2000. С. 89–90.

Пушков 1999 — *Пушков В. П.* Ревизская сказка 1795 г. по селцу Сепыч как источник по истории старообрядцев Верхокамья // Мир старообрядчества: История и современность. М., 1999. Вып. 5. С. 41–74.

Шерстобоев 1949 — *Шерстобоев В. Н.* Илимская пашня. Иркутск, 1949. Т. 1: Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века.

Шунков 1946 — *Шунков В. И.* Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII века. М.; Л., 1946.